

Чарльз
ДИККЕНС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОЛИВЕРА
ТВИСТА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 45

Перевод с английского Александры Кривцовой

Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-06012-8

© Д. Урнов, статья, 1984
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

История трудного детства

Почти у каждого классического произведения своя особенность: оно остается в памяти потомства представителем темы. Вроде бы оно открывает тему — приключения, судьба молодого человека, преступный мир... На самом деле такое произведение чаще всего тему закрывает, подводит итоги, совершая пересмотр всего, что на ту же тему написано. Остается оно в истории одиноким, а все прочие книги-предшественники уносятся временем. Между тем, начиная с «Гамлета», который был переделкой других пьес, или «Робинзона Крузо», появившегося после по меньшей мере трех историй о человеке на острове, великое произведение говорит совсем не о том, о чем принято было писать, касаясь той же темы. Писатель-великан как бы говорит предшественникам: «Да нет же, вот так надо написать!»

Это, видимо, и хотел сказать Диккенс в предисловии к «Оливеру Твисту». Он видел: о преступниках много пишут и охотно читают, увлеченные сомнительными похождениями. Преступность как тема литературой скорее эксплуатируется, чем разрабатывается. Надо переставить ударения, перестроить пропорции так, чтобы читательский интерес направлен был на другое. Диккенс однажды уже поступил таким образом с охотничьими рассказами. Ему заказали рассказы об охотниках, и он написал об «охотниках», которые не знают, как заряжается ружье, и садятся на лошадь не с той стороны. Получился «Пиквикский клуб» — книга, где основной стимул интереса составляет не азарт погони за зверем, а бескорыстное внимание к людям. Точно так же «Оливер Твист» пришел на смену целой литературе, в которой, по словам самого Диккенса, проходимец, убийца, вор выступал эдаким «кавалером» и «героем». Одним словом, действовало обаяние зла. Диккенс написал совсем о другом.

Когда вместо охотничьих предложил он публике антиохотничьи рассказы, то в шутку Диккенс объяснял это тем, что сам

в жизни не держал в руках ружья и почти ничего не знает об охоте. С преступным же миром у него отношения были достаточно короткие. Тюрьма и труппы — это Диккенс знал изнутри. Правда, он предпочитал не говорить об этом прямо, но его жизненный опыт сам собой сказался в книге.

«Мне рано пришлось вступить в жизнь», — рассказывал Диккенс о себе по просьбе редактора немецкого энциклопедического словаря «Брокгауз» как раз во время работы над «Оливером Твистом». Историю своей жизни Диккенс не искажил, но подал все-таки в смягченном виде. Обстоятельства, в которых он вырос, выглядели под его пером в худшем случае стесненными. На самом деле была бедность тем более тягостная, что она была унижительной, не подобающей семье, хотя и не вполне «благородной», но все же пробившейся «в люди».

Внук лакея, сын чиновника, Чарльз Диккенс (1812–1870), второй из шестерых детей в семье, с двенадцати лет пошел работать на фабрику, где изготавливалась вакса. Пробыл он там сравнительно недолго, но запомнил это время на всю жизнь как мучительный искуc. И не только потому, что работали тогда, даже дети, по десять-двенадцать часов в день. Прежде всего, банки с ваксой, на которые маленький Диккенс наклеивал ярлыки, это было вместо школы, куда его поначалу отдали, были вместо книжек, рисунков и музыки. По воскресным дням он отправлялся в тюрьму — навестить отца. Тюремные визиты объясняют, почему вместо школьной парты юный Диккенс сидел на фабричной лавке. Отец был посажен за долги, оставив многочисленную семью без средств к существованию.

Диккенса-старшего оттуда вскоре вызволили, однако семья так и осталась на грани катастрофы, а он сам — как бы все время на пороге тюрьмы, в которую он мог снова попасть, если бы его не выкупил сын, ставший к тому времени писателем. Но прежде чем стать писателем, Чарльз Диккенс пятнадцати лет пошел работать в контору адвоката писцом. Через некоторое время, изучив стенографию, устроился репортером, сначала судебным, а затем парламентским. И тут он начал пробовать свои силы в журналистике.

Жизнь, которую с ранних лет поневоле пристально наблюдал Диккенс, стала в ярком, запоминающемся виде выступать на страницах, им написанных: мелочи жизни, уличные сценки, люди всех возрастов и состояний. Зоркие издатели и редакторы молодого автора заметили, и вот получает Чарльз Диккенс

заказ, который он, правда, переиначил, перевернул, но так, что заказчики не остались внакладе.

Надо сказать, что первые выпуски «Посмертных записок Пиквикского клуба» — а печатался «Пиквикский клуб» с продолжением, небольшими брошюрками — никакого особенного интереса у читателей не вызвали. И без того было много всяких сочинений с описанием «спортивных» приключений этих бодрячков-джентльменов. Зато на пятом выпуске произошел взрыв, тираж пошел вверх: в повествовании появилось лицо, которое никакого отношения к охотничьим похождениям, положим, не имело, но заинтересовался им весь Лондон. Весь Лондон узнал его! Это был самый обычный лондонский житель, слуга мистера Пиквика по имени Сэм Уэллер. С типичным лондонским выговором, который и не сразу поймешь. И со своими совершенно особыми штучками, прибаутками, готовыми у него на всякий жизненный случай. «В путь так в путь, как сказал попугай, когда кошка потащила его из клетки за хвост».

Пиквикизм как стиль отношения к жизни нашел деятельную поддержку. Роман обрел успех, дотоле в книжном мире небывалый. А Диккенс получил не только литературное признание. У него появилась практическая возможность снять для себя квартиру (он к тому времени уже женился), а также выручить из очередных трудных денежных обстоятельств отца.

С тех пор и до конца его дней стиль, скорость работы оставались для Диккенса неизменными. Одна вещь в работе, на письменном столе, другая печатается в журнале или выпусками, третья выходит отдельной книгой. Но, прежде чем набрать такую скорость, нужна была пауза для того, чтобы закончить хотя бы одну вещь. А Диккенс, действовавший по вполне современному принципу, который предписывает от работы не отказываться, получал и принимал всё новые заказы и в результате задолжал сразу три романа трем разным издателям. Для него самого сделалась реальной угрозой очутиться в долгах — издержки успеха, профессионального писательского успеха, всю сладость и горечь которого Диккенс проверил на себе. Он и умер, как выразился Луначарский, надорвавшись в результате непрерывного исполнения роли популярного, всеми любимого писателя.

Выкупленный одним издателям у двух других роман «Приключения Оливера Твиста» наконец-то был Диккенсом закончен. В 1837 году роман стал печататься в журнале, разделяя

успех своего предшественника, «Посмертных записок Пиквикского клуба», которые в это время уже обретают международную известность, в том числе в России.

Одним из первых русских читателей Диккенса, разглядевшим, в чем заключалась примечательная черта нового таланта, был Гоголь. В сущности Гоголь увидел то же, что усмотрели в Диккенсе его редакторы: способность, коснувшись пером какого угодно предмета, сделать его заметным для читателя. Как бы обновить, оживить предмет в наших глазах. Предмет может быть каким угодно: плохая погода и хорошее настроение, сытный завтрак и голодная собака. Это может быть сюртук, суд, стыд, восход солнца, военные учения, слова любви, бокал доброго вина, юридическое крючкотворство. Короче, все, что мелькнет в калейдоскопе, в потоке жизни, от прыща на носу до панорамы большого города, — все ловит Диккенс на кончик пера и переносит на страницу.

Когда после первых восторгов читатели пришли в себя, то стало видно, что секрет удивительно живого впечатления заключается в неожиданности. Если угодно, в беспорядочности: шляпа вместе с маневрами. От неожиданности сочетания читатель видит, как бы видит, и шляпу, и марширующих солдат. В силу тех же причин воспринимает читатель с осязаемой остротой плутни судейских стряпчих. Толстой, который также был в числе первых читателей Диккенса, до самых преклонных лет сохранял восторг перед вещественностью диккенсовских описаний. Даже в глубокой старости Толстой вспоминал «Пиквикский клуб», мистера Уэллера-старшего (отца Сэма) и то, как он достает из кармана разные вещи: сначала веревочку, деньги — потом. Читатель это видит, и запоминаются ему, судя по всему надолго, и деньги, и веревочка. Такой фактурной определенности каждого предмета, попадающего в поле читательского зрения, прежде не добивался ни один писатель.

Конечно, все это кануло бы в Лету, сохранившись разве что в памяти историков, если бы тут был только какой-то трюк. Но у Диккенса это не просто лежащий на поверхности повествовательный прием. Такова позиция, на которую писателя привел жизненный опыт. «Верное, живое и шуточное описание нравов, обычаев и характера английской нации», — говорилось в первой — самой первой! — русской рецензии на Диккенса, появившейся уже в то время, когда еще не все выпуски «Пиквикского клуба» вышли. Впрочем, в рецензии сказано «самое вер-

ное», и это наводит на мысль, что основана рецензия на отзывах английских, поскольку в «самом верном», странно звучащем по-русски, чувствуется буквальный, к сожалению обычный, до сих пор встречающийся и по смыслу неточный перевод выражения, которое правильнее передать как «вернейшее» или «чрезвычайно верное». Однако по существу оценка бьет в цель. Нравы изображали и раньше. Особая верность диккенсовских описаний заключалась в подвижности, в том, что каждый персонаж воспринимается как частица несущейся мимо нас жизни. А впечатление подвижности достигается Диккенсом за счет того, что он сам видит все как бы сдвинутым со своих привычных мест, перемешанным, и автор еще добавляет беспорядка в эту мешанину из нравов, обычаев, мелких странностей и крупных пороков и тут же — красок города, сценок семейной жизни, любовных вздохов и скрежета зубного. На языке науки и публицистики то же называется социальными контрастами, а писатель сумел придать этим контрастам, оттенкам речи и поведения людей разных сословий в самом деле вещественность. В одном из романов зрелого Диккенса, написанных уже в то время, когда почтовые дилижансы сменились поездами, говорится, как некий джентльмен, спешивший в дорогу, посторонился при виде кочегара, ибо ему показалось, будто этот закопченный человек способен запачкать его даже своим взглядом. Не только поворот головы или движение глаз — у Диккенса самый взгляд обретает предметность. Взгляд становится видимым!

Повторим: и это не ради литературных эффектов. Диккенс позволяет читателям ощутить на ощупь самые неуловимые вещи, но прежде он сам проверил на себе, на собственном опыте этот жизненный порядок, в котором так странно и даже дико сочетается бархатный жилет и плутовство. Почему жилет и почему плутовство? А почему, переспросим, богатство и бессердечие? Родительская любовь и родительская тирания? И мало ли еще нелепостей наблюдал Диккенс, с детских лет сидевший на фабричной лавке, потом за судебными протоколами, потом на парламентских дебатах.

Первая крупная литературная работа Диккенсу была заказана, и он, как молодой автор, выплеснул на бумагу, иногда поистине как попало, немалый запас своих наблюдений, которые так удачно, как бы сами собой, нанизывались на канву дорожных приключений. Замысел второго романа исходил уже от него самого, и у биографов нет сомнения в том, насколько неслучайно

повел Диккенс читателей не куда-нибудь, а в мир искалеченного детства, именно в мир своих воспоминаний. Конечно, у Диккенса детство было не такое уж бедственное, какое выпало на долю Оливера, и вообще все с ним было не так, но Диккенс и подумать не мог о том, чтобы приподнять завесу своего прошлого. Если отчасти он это и сделает, то много позже и с какой осторожностью! А сейчас, на пороге открывающейся литературной карьеры, возможно ли рассказать о том, что отец у тебя сидел за долги, или, еще того лучше, вспомнить бабушку с материнской стороны, оказавшегося казнокрадом? И вообще, неужели можно дать понять, будто джентльмен хоть как-то соприкасался с этими отверженными? Учтем: Диккенс не только считался с предрассудками своей среды из тактических соображений, многие из этих предрассудков он искренне разделял. Нам и представить себе трудно, до какой степени серьезно Диккенс, а до него сам Шекспир или Дефо относились к возможности называться джентльменом. И все же не побоялся он приблизиться к этим лохмотьям, трущобам, «отбросам общества». Написал он о несчастных именно как об «отбросах», безо всякого романтического ореола, каковым обычно окружали каждого взломщика, прежде чем представить его читателям, «приличным людям». Его сострадание к этим людям выразилось в осознании необходимости сказать правду о них.

О детстве, тяжелом детстве, исторически первым написал Дефо. Открыл он в литературе большой город и, естественно, обнаружил копошащимися где-то на самом его дне, по закоулкам и канавам, маленьких оборвышей, обездоленных от самого рождения. Изображенное на первых страницах романа «Полковник Джек» детство так, в общем, и осталось в истории, проложив, однако, дорогу другим писателям, в первую очередь Диккенсу. И Диккенс прямо встал на тот же путь, проводя своих персонажей, а следом за ними читателей иногда по тем самым закоулкам, где ютились герои Дефо. Продолжал он размышлять и над теми же вопросами, которые когда-то поставил автор «Робинзона Крузо» и «Полковника Джека». Проблемой проблем здесь была, как мы понимаем, природа человеческая, пределы ее возможной порчи или, напротив, возможного возрождения. Времена изменились, город вырос, на месте прежних проселков пролегали улицы, пригородные деревни превратились в новые городские кварталы, соответственно выросли и размеры зла, над которым задумывался Дефо. Однако Диккенс не дале-

ко ушел от Дефо в том смысле, что и ему врожденное джентльменство представлялось надежнейшим средством ото всякой грязи. «К благородным не пристаёт!» — такой примерно вывод делали и Дефо, и Диккенс, будто не замечая, что логика их собственных созданий гораздо объективнее и глубже.

Действительно, не надо и уходить слишком далеко ни от Дефо, ни от Диккенса, с того рубежа, который они заняли как внимательные наблюдатели за ростом человеческого сознания, за восприимчивостью этого сознания, которое как раз впитывает любую грязь, если формируется в грязи. С замечательной правдивостью изобразили они, как в конце концов приходит момент, когда «насыщение» становится необратимым. Загубленность, истинную загубленность людей на корню, у самых основ их природы, — это поистине классически наметил Дефо и классически в развернутом виде представил Диккенс.

Разумеется, до известной степени Диккенс льстил обществу, «хорошему обществу», убеждая своих читателей в том, что «порода» в конце концов скажется и душа у юного Оливера не лежит к воровству, потому что он, видите ли, джентльмен от рождения. Но в то же время Диккенс обличал общество, делая это тем более неотразимо, что показывал на мелочах, на подробностях поведения, психологических деталях, как сохнет душа, черствеет разум, как вся душевная работа направляется не по тому, не по праведному пути. И происходит это вовсе не в тот момент, когда закоренелый преступник обучает малышей своему «ремеслу». Он пользуется уже результатами чьих-то еще усилий. Чьих же? И вот где сказалась пронизательность писателя, где проявился его собственный, выстраданный им самим с малых лет опыт, научивший его сознавать, что формирует растущее сознание, — все, каждый момент, каждый взгляд, каждое лицо из непосредственного окружения, каждое сказанное или, напротив, не сказанное вовремя слово. Прежде чем скупщик краденого Феджин примется «работать» над душой Оливера, над мальчиком уже поработал или, вернее, не дал себе труда «поработать» совсем в ином направлении образцовый джентльмен, благородный мистер Браунлоу, который не позаботился о несчастной матери Оливера, в результате чего Оливер становится «воспитанником» Феджина. Кто тут виноват? Диккенс выявил вину многих «благородных» в судьбе одного «испорченного».

Итак, из дверей сиротского приюта три дороги открывались перед Оливером. Одна вела в ученики к трубочисту, другая в лавку гробовщика, а третья просто на улицу и, в конце концов, в преступный мир. Оливер уклонился от первого пути, отчасти испробовал второй и поневоле попал на третий. Уже теперь читатели, кое-что знающие из прошлого Англии, задаются вопросом, почему не направил его Диккенс по еще одному пути, четвертому, и, быть может, самому страшному из всех. Путь этот вел под землю, в шахту, и подобная участь, способная заставить содрогнуться, была столь же обычной для маленького бедняка или беспризорника начиная с пяти лет, как служба в трубочистах, «плакальщиках» или воровство. Объяснение пропуска еще одного возможного варианта видят в том, что Диккенс, когда работал над историей Оливера, просто не знал, а когда узнал, то не сразу поверил тому, что где-то под землей ползают малыши, таскающие за собой повозки с углем. Следует отметить, что в трубу или под землю дети попадали не только не раньше, но и не позже определенного возраста, ибо что в трубе, что в подземном штреке тесно, узко и не всякий пролезет, а потому именно дети, конечно не слишком слабые, но и не слишком рослые, ценились как работники, особенно подходящие по всем статьям, что по величине, что по оплате, крайне ничтожной.

Современные читатели часто задают вопрос, насколько правдив был Диккенс в описании общественных зол. Мы понимаем, конечно, что творческая правда и прямая достоверность не одно и то же, но все-таки интересуют реальные размеры пороков, изображенных Диккенсом. Так ли были бедны бедные? Так ли бездушны богатые? Так ли много было бездомных и сирот? Уже в свое время Диккенсу приходилось выслушивать упреки в преувеличениях, если не в искажении истинного положения дел. Случалось ему получать письма с опровержениями, возмущениями относительно того, что описывал он в смешном или устрашающем виде. Так кто же был прав?

Стараясь ответить на этот вопрос, историки в первую очередь предупреждают, что нам трудно и просто уже невозможно вникнуть в жизнь диккенсовских времен. Трудно представить себе ушедший мир во всех измерениях, в целостности. Кроме того, мы смотрим не только с какой-то одной из сторон, мы смотрим вообще со стороны. А взгляд извне или изнутри — это

две разные позиции. Например, нам диккенсовская эпоха в целом показалась бы какой-то неумытой, ибо сам Диккенс прибежал к услугам умывальника, не говоря уже о ванне, гораздо реже, чем того, по нашим понятиям, требовали обстоятельства. А если бы, говорят историки, современного англичанина посадить за стол, накрытый к обеду для англичанина того же достатка, только на полтора-два года раньше, в диккенсовские времена, то наш современник, пожалуй, решил бы, что ему предлагают покончить с собой и при этом одним из самых мучительных способов — умереть от ожорства. Или, как теперь говорят англичане, вырыть себе могилу зубами. Но, случая меня, историки приходят к выводу: тогда за один присест ели больше, но гораздо реже, чем теперь. Случись нам поговорить с самим Диккенсом, мы, быть может, по всем этим пунктам нашли бы с ним общий язык. Что касается санитарии, Диккенс, допустим, еще не понял бы, что такое душ и зачем вообще в таком количестве лить на себя воду, но, с другой стороны, мы пришли бы с ним к обоюдному согласию, пройдясь, скажем, вдоль реки Темзы, основной артерии огромного города: скопище нечистот! И в отношении чересчур обильных обедов нас, возможно, тоже правильно поняли бы, и не только Диккенс, но и многие его современники, чьи стоны и вздохи («Ах, вчера перекушала!») доходят до нас не только с диккенсовских страниц, но и из сохранившихся частных писем. Положим, мы не поняли бы Диккенса или какого угодно человека тех же времен, когда они стали бы объяснять нам, зачем подогревать и без того горячительные напитки (таков уж тогда был обычай — пить подогретую можжевелевую водку, то есть джин!), но мы согласились бы с ними, что пивных что-то уж очень много и выпивка в них до того дешева, что, кажется, сделано это нарочно, чтобы спустить там поскорее последние гроши, забыв, что не хватает денег на хлеб.

Эксплуатация, одновременно с мелкими, разлагающими подачками, — да, эти пороки очевидны были для Диккенса и для многих его современников, но как медленно двигалось время! Что, отменить детский труд?! А в трубу кто ползет? И потребовались многолетние парламентские дебаты, завершения которых Диккенс так и не дождался до конца своей жизни, прежде чем угроза попасть в «ученики к трубочисту» перестала существовать для таких, как сирота Оливер. А ведь как отстаивали

необходимость иметь маленьких трубочистов, с помощью каких доводов? Говорили о том, что для многих задохнуться в трубе — это все же лучше, чем замерзнуть на улице. Что эти сироты — дети греха, а потому пусть им за грехи (чьи?) воздано будет по заслугам! Наконец, просто указывали на лес труб, которые кому-то в самом деле надо было чистить, а каждый город представлял собой лес труб, и можно даже подсчитать, сколько требовалось этих проворных мальчуганов на такой город, как диккенсовский Лондон.

Подсчеты в самом деле многое поясняют. В начале 1830-х годов, когда Диккенс только начинал писать, английский суд мог отправить подсудимого на смертную казнь за любое из двухсот различных преступлений, в том числе за такие мелкие, как карманная кража в несколько шиллингов. Стало быть, Оливер в другие, более ранние времена мог отправиться за будто бы совершенную им кражу кошелек не в тюрьму даже, а прямо на виселицу. Но «Приключения Оливера Твиста» были все-таки вторым романом Диккенса, и в эту пору число поводов, достаточных для смертного приговора, уже сократилось до пятнадцати. Как видим, время иногда двигалось, хотя далеко не так скоро, как того хотелось бы тому же Диккенсу. Между тем на его веку сократилось даже число лондонских тюрем, этих мрачно прославленных темниц, каждая из которых в каком-нибудь из романов Диккенса да значится, ибо чуть ли не с каждой связаны были у него личные и тягостные воспоминания.

Сократилось число смертных приговоров и казней, уменьшилось количество тюрем, которые не пресекали, а, кажется, плодили преступления, — и все-таки, говорят историки, горе и ужас в те времена бывали такие, что не умещались они ни в каком сознании. Так, продолжительность детского (!) труда сократилась с двенадцати до десяти и, наконец, *всего лишь* до восьми часов в день, а также запрещено было принимать на некоторые работы девочек *меньше* шести лет, — и это представлялось благом! Самая мрачная и в то же время богатая фантазия хотя бы и самого Диккенса не могла бы здесь ничего преувеличить, ибо слишком уж неправдоподобными выглядят эти факты. Диккенс если и преувеличивал, то одно за счет другого. В третьем своем романе, «Николас Никльби», описал он уже не приют для бедных и не воровской притон, а закрытый пансион, описал так, что этот пансион, послуживший Диккенсу моделью и спрятанный им под другим именем, нашли и — закрыли. Правда, по

мнению некоторых историков, зря закрыли, потому что Диккенс все-таки в самый пансион не заходил, а этот пансион был не только не хуже, но, пожалуй, и получше прочих. В нем даже на похороны тратили больше того, что у Диккенса указано как плата за весь рацион. Так что — преувеличение, как говорится, сгущение темных красок. Но зато насколько Диккенс высветлил положение с детским трудом, не упомянув о шахтах, о детях, что погибали в подземельях.

Диккенс не погрешил против правды в главном, в умении разглядеть неправедность всякого благополучия, основанного на неблагополучии многих, — и эту тему он развивал от романа к роману. Он, собственно, никогда и не уходил от этой темы.

Мировую славу Диккенс стяжал как юморист. Но разве у него юмор! Над чем и как вообще смеялись англичане в те времена? Как тут, собственно, смеяться, все это грубо, сыто, бездумно. Юмор Диккенса — не утробный хохот. Это смех со слезами пополам. Умение улыбнуться в трудную минуту. Вот сейчас спутника Оливера, этого паренька по кличке Плут, отправят за решетку. Ему не впервой, но едва ли он на этот раз оттуда вырвется. Ибо не поместят же его в отдельную камеру (у него за такой «комфорт» нечем платить), а в общей камере обычное дело — тиф, который в те времена, как и множество других, самых разнообразных болезней, называли горячкой. И все же буквально в последние минуты перед вынесением приговора автор заставляет нас улыбнуться: мальчуган произносит речь, он говорит «как большой», как выдавший виды преступник. Взрослая речь маленького человека, как написано, с каким тактом и — с каким юмором!

Впрочем, некоторые страницы «Приключений Оливера Твиста» не вызовут у нас сейчас, пожалуй, уже ни смеха, ни слез, а лишь досаду — слезливостью, затянутостью. Что ж, времена меняются, и понятия о грустном и смешном меняются вместе с ними. Но кроме того, надо принять во внимание сказанное в самом начале об условиях, в которых работал Диккенс: он зачастую начинал новый роман, не кончив предыдущего, начинал, еще не зная, как закончить, и если это учесть, тогда станет понятно, почему иногда кажется, будто внутрь одной книги вдруг вклинивается вроде бы совсем другая книга, — это издержки напряженного литературного производства.

Однако по-прежнему под этим переплетом, на котором значится «Оливер Твист», бьется сердце, живое сердце, однажды

вложенное в эти страницы их создателем, Чарльзом Диккенсом. Доброту, отзывчивость диккенсовского сердца с давних пор оценили читатели всего мира.

О признании, какое выпало ему на долю в нашей стране, Диккенс узнал от первого своего русского переводчика Иринарха Введенского, а тот познакомил с Диккенсом русскую публику вообще и такого ее представителя, как Достоевский, в частности. Диккенс был настолько тронут этими рассказами, что (как сообщает его основной биограф) в трудную минуту, при неполадках в печати, с мрачной иронией говорил: «Пора упаковывать чемоданы и отправляться в Россию, там меня лучше поймут, чем в моей собственной стране!» Диккенс говорил даже «не в Россию», а — в Сибирь, ибо именно так, от берегов Невы до бескрайних просторов Сибири, русский друг очертил границы его популярности в далекой стране.

Если в то время это и было преувеличением, то вполне в духе самого Диккенса. А со временем это стало просто правдой, стало и остается правдой, подтверждаемой количеством изданий и размером тиражей книг Диккенса, который читается так, будто все еще, как полноправный наш современник, он продолжает писать.

Д. Урнов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОЛИВЕРА ТВИСТА

Предисловие автора

В свое время сочли грубым и непристойным, что я выбрал некоторых героев этого повествования из среды самых преступных и деградировавших представителей лондонского населения.

Не видя никакой причины, в пору писания этой книги, почему подонки общества (поскольку их речь не оскорбляет слуха) не могут служить целям моральным в той же мере, как его пена и сливки, — я дерзнул верить, что это самое «свое время» может и не означать «во все времена» или даже «долгое время». У меня были веские причины избрать подобный путь. Я читал десятки книг о ворах: славные ребята (большой частью любезные), одеты безукоризненно, кошелек туго набит, знатоки лошадей, держат себя весьма самоуверенно, преуспевают в галантных интригах, мастера петь песни, распить бутылку, сыграть в карты или кости — прекрасное общество для самых достойных. Но я нигде не встречался (исключая Хогарта) с жалкой действительностью. Мне казалось, что изобразить реальных членов преступной шайки, нарисовать их во всем их уродстве, со всей их гнусностью, показать убогую, нищую их жизнь, показать их такими, каковы они на самом деле, — вечно крадутся они, охваченные тревогой, по самым грязным тропам жизни, и куда бы ни взглянули, везде маячит перед ними большая черная страшная виселица, — мне казалось, что изобразить это — значит попытаться сделать то, что необходимо и что сослужит службу обществу. И я это исполнил в меру моих сил.

Во всех известных мне книгах, где изображены подобные типы, они всегда чем-то прельщают и соблазняют. Даже в «Опере нищего» жизнь воров изображена так, что, пожалуй, ей можно позавидовать: капитан Макхит, окруженный соблазнительным ореолом власти и завоевавший преданную любовь красивейшей девушки, единственной безупречной героини в пьесе, вызывает у слабовольных зрителей такое же восхищение и желание ему подражать, как и любой обходительный джентльмен в красном мундире, который, по словам Вольтера, купил право командовать двумя-тремя тысячами человек и так храбр, что не боится за их жизнь. Вопрос Джонсона, станет ли кто-нибудь вором, потому что смертный приговор Макхиту был отменен, — кажется мне не относящимся к делу. Я же спрашиваю себя, помешает ли кому-нибудь стать вором то обстоятельство, что Макхит был приговорен к смерти и что существуют Пичум и Локит. И, вспоминая бурную жизнь капитана, его великолепную внешность, огромный успех и великие достоинства, я чувствую уверенность, что ни одному человеку с подобными же наклонностями не послужит капитан предостережением и ни один человек не увидит в этой пьесе ничего, кроме усыпанной цветами дороги, хоть она с течением времени и приводит почтенного честолюбца к виселице.

В самом деле, Гей высмеивал в своей остроумной сатире общество в целом и, занятый более важными вопросами, не заботился о том, какое впечатление произведет его герой. То же самое можно сказать и о превосходном, сильном романе сэра Эдуарда Бульвера «Поль Клифффорд», который никак нельзя считать произведением, имеющим отношение к затронутой мною теме; автор и сам не ставил перед собой подобной задачи.

Какова же изображенная на этих страницах жизнь, повседневная жизнь Вора? В чем ее очарование для людей молодых и с дурными наклонностями, каковы ее соблаз-

ны для самых тупоумных юнцов? Нет здесь ни скачек галопом по вересковой степи, залитой лунным светом, ни веселых пирушек в уютной пещере, нет ни соблазнительных нарядов, ни галунов, ни кружев, ни ботфортов, ни малиновых жилетов и рукавчиков, нет ничего от того бахвальства и той вольности, какими с незапамятных времен приукрашивали «большую дорогу». Холодные, серые, ночные лондонские улицы, в которых не найти пристанища; грязные и вонючие логовища — обитель всех пороков; притоны голода и болезни; жалкие лохмотья, которые вот-вот рассыплются, — что в этом соблазнительного?

Однако иные люди столь утонченны от природы и столь деликатны, что не в силах созерцать подобные ужасы. Они не отворачиваются инстинктивно от преступления, нет, но преступник, чтобы прийтись им по вкусу, должен быть, подобно кушаньям, подан с деликатной приправой. Какой-нибудь Макарони в зеленом бархате — восхитительное создание, ну а Сайкс в бумазейной рубаше невыносим! Какая-нибудь миссис Макарони — особа в короткой юбочке и маскарадном костюме — заслуживает того, чтобы ее изображали в живых картинах и на литографиях, украшающих популярные песенки; ну а Нэнси — существо в бумажном платье и дешевой шали — недопустима! Удивительно, как отворачивается Добродетель от грязных чулок и как Порок, сочетаясь с лептами и ярким нарядом, меняет, подобно замужним женщинам, свое имя и становится Романтикой.

Но одна из задач этой книги — показать суровую правду, даже когда она выступает в обличье тех людей, которые столь превознесены в романах, а посему я не утаил от своих читателей ни одной дырки в сюртуке Плута, ни одной папильотки в растрепанных волосах Нэнси. Я совсем не верил в деликатность тех, которым не под силу их созерцать. У меня не было ни малейшего желания завоевывать сторонников среди подобных людей. Я не питал

уважения к их мнению, хорошему или плохому, не добивался их одобрения и не для их развлечения писал.

О Нэнси говорили, что ее преданная любовь к свирепому грабителю кажется неестественной. И в то же время возражали против Сайкса — довольно непоследовательно, как смею я думать, — утверждая, будто краски сгущены, ибо в нем нет и следа тех искупающих качеств, против которых возражали, находя их неестественными в его любовнице. В ответ на последнее возражение замечу только, что, как я опасуюсь, на свете все же есть такие бесчувственные и бессердечные натуры, которые окончательно и безнадежно испорчены. Как бы там ни было, я уверен в одном: такие люди, как Сайкс, существуют, и если пристально следить за ними на протяжении того же периода времени и при тех же обстоятельствах, что изображены в романе, они не обнаружат ни в одном своем поступке ни малейшего признака добрых чувств. То ли всякое, более мягкое человеческое чувство в них умерло, то ли заржавела струна, которой следовало коснуться, и трудно ее найти — об этом я не берусь судить, но я уверен, что дело обстоит именно так.

Бесполезно спорить о том, естественны или неестественны поведение и характер девушки, возможны или немыслимы, правильны или нет. Они — сама природа. Всякий, кто наблюдал эти печальные тени жизни, должен это знать. Начиная с первого появления этой жалкой, несчастной девушки и кончая тем, как она опускает свою окровавленную голову на грудь грабителя, здесь нет ни малейшего преувеличения или натяжки. Это святая правда, ибо эту правду Бог оставляет в душах развращенных и несчастных; надежда еще тлеет в них; последняя чистая капля воды на дне заросшего тиной колодца. В ней заключены и лучшие и худшие стороны нашей природы — множество самых уродливых ее свойств, но есть и самые прекрасные; это — противоречие, аномалия, кажущиеся невозможными, но это — правда. Я рад, что в ней усомнились, ибо,

если бы я нуждался в подтверждении того, что эту правду нужно сказать, последнее обстоятельство вдохнуло бы в меня эту уверенность.

В тысяча восемьсот пятидесятом году один чудак-олдермен во всеуслышание заявил в Лондоне, что острова Джекоба нет и никогда не было. Но и в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году остров Джекоба (по-прежнему место незавидное) продолжает существовать, хотя значительно изменился к лучшему.

ГЛАВА I

повествует о месте, где родился Оливер Твист,
и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению

Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно — работный дом. И в этом работном доме родился, — я могу себя не утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для читателя, во всяком случае на данной стадии повествования, — родился смертный, чье имя предшествует началу этой главы.

Когда приходский врач ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец биографии из всех сохранившихся в литературе любого века или любой страны.

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в работном доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста. Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычаем сделал его не-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. Урнов. История трудного детства 5

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА 19

ГЛАВА I повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах, сопутствовавших его рождению 24

ГЛАВА II повествует о том, как рос, воспитывался и как был вскормлен Оливер Твист 27

ГЛАВА III рассказывает о том, как Оливер Твист едва не поступил на место, которое оказалось бы отнюдь не синекурой 40

ГЛАВА IV. Оливеру предложили другое место, и он впервые выступает на жизненном поприще 51

ГЛАВА V. Оливер знакомится с товарищами по профессии. Впервые побывав на похоронах, он приходит к неблагоприятному выводу о ремесле своего хозяина 59

ГЛАВА VI. Оливер, раздраженный насмешками Ноз, приступает к действиям и приводит его в немалое изумление 72

ГЛАВА VII. Оливер продолжает бунтовать 78

ГЛАВА VIII. Оливер идет в Лондон. Он встречает на дороге странного молодого джентльмена 86

ГЛАВА IX, содержащая различные сведения о приятном старом джентльмене и его многообещающих питомцах 95

ГЛАВА X. Оливер ближе знакомится с новыми товарищами и дорогой ценой приобретает опыт. Короткая, но очень важная глава в этом повествовании 103

ГЛАВА XI повествует о мистере Фэнге, полицейском судье, и дает некоторое представление о его способе отправлять правосудие ... 108

ГЛАВА XII, в которой об Оливере заботятся лучше, чем когда бы то ни было, и в которой снова повествуется о веселом старом джентльмене и его молодых друзьях	117
ГЛАВА XIII. Понятливый читатель знакомится с новыми лицами; в связи с этим повествуется о разных занимательных предметах, имеющих отношение к этой истории	128
ГЛАВА XIV, заключающая дальнейшие подробности о пребывании Оливера у мистера Браунлоу, а также замечательное пророчество, которое некий мистер Гримуиг изрек касательно Оливера, когда тот отправился исполнять поручение	137
ГЛАВА XV, показывающая, сколь нежно любили Оливера Твиста веселый старый еврей и мисс Нэнси	150
ГЛАВА XVI повествует о том, что случилось с Оливером Твистом после того, как на него предъявила права Нэнси	157
ГЛАВА XVII. Судьба продолжает преследовать Оливера и, чтобы опорочить его, приводит в Лондон великого человека	168
ГЛАВА XVIII. Как Оливер проводил время в душевном обществе своих почтенных друзей	179
ГЛАВА XIX, в которой обсуждают и принимают замечательный план	188
ГЛАВА XX, в которой Оливер поступает в распоряжение мистера Уильяма Сайкса	199
ГЛАВА XXI. Экспедиция	209
ГЛАВА XXII. Кража со взломом	215
ГЛАВА XXIII, которая рассказывает о приятной беседе между мистером Бамблом и некоей леди и убеждает в том, что в иных случаях даже бидл бывает не лишен чувствительности	223
ГЛАВА XXIV трактует о весьма ничтожном предмете. Но это короткая глава, и она может оказаться излишней в этом повествовании	232
ГЛАВА XXV, которая вновь повествует о мистере Феджине и компании	238
ГЛАВА XXVI, в которой появляется таинственная особа и происходят многие события, неразрывно связанные с этим повествованием	246
ГЛАВА XXVII заглаживает неучтивость одной из предыдущих глав, в которой весьма бесцеремонно покинута некая леди	260

ГЛАВА XXVIII занимается Оливером Твистом и повествует о его приключениях	268
ГЛАВА XXIX сообщает предварительные сведения об обитателях дома, в котором нашел пристанище Оливер	279
ГЛАВА XXX повествует о том, что подумали об Оливере новые лица, посетившие его	284
ГЛАВА XXXI повествует о критическом положении	291
ГЛАВА XXXII о счастливой жизни, которая началась для Оливера среди его добрых друзей	304
ГЛАВА XXXIII, в которой счастью Оливера и его друзей неожиданно угрожает опасность	314
ГЛАВА XXXIV содержит некоторые предварительные сведения о молодом джентльмене, который появляется на сцене, а также новое приключение Оливера	324
ГЛАВА XXXV, повествующая о том, как неудачно окончилось приключение Оливера, а также о не лишнем значении разговора между Гарри Мэйли и Роз	335
ГЛАВА XXXVI, очень короткая и, казалось бы, не имеющая большого значения в данном месте. Но тем не менее ее должно прочесть как продолжение предыдущей и ключ к той, которая последует в надлежащее время	344
ГЛАВА XXXVII, в которой читатель может наблюдать столкновение, нередкое в супружеской жизни	347
ГЛАВА XXXVIII, содержащая отчет о том, что произошло между супругами Бамбл и мистером Монксом во время их вечернего свидания	359
ГЛАВА XXXIX выводит на сцену несколько уважаемых особ, с которыми читатель уже знаком, и повествует о том, как совещались между собой достойный Монкс и достойный еврей	371
ГЛАВА XL. Странное свидание, которое является продолжением событий, изложенных в предыдущей главе	388
ГЛАВА XLI, содержащая новые открытия и показывающая, что неожиданность, как и беда, не ходит одна	396
ГЛАВА XLII. Старый знакомый Оливера обнаруживает явные признаки гениальности и становится видным деятелем в столице	408
ГЛАВА XLIII, в которой рассказано, как Ловкий Плут попал в беду	420

ГЛАВА XLIV. Для Нэнси настает время исполнить обещание, данное Роз Мэйли. Она терпит неудачу	433
ГЛАВА XLV. Феджин дает Ноэ Клейполу секретное поручение . . .	441
ГЛАВА XLVI. Свидание состоялось	445
ГЛАВА XLVII. Роковые последствия	456
ГЛАВА XLVIII. Бегство Сайкса	465
ГЛАВА XLIX. Монкс и мистер Браунлоу наконец встречаются. Их беседа и известие, ее прервавшее	475
ГЛАВА L. Погоня и бегство	487
ГЛАВА LI, дающая объяснение некоторых тайн и включающая брачное предложение без всяких упоминаний о закреплении части имущества за женой и о деньгах «на булавки»	500
ГЛАВА LII. Последняя ночь Феджина	516
ГЛАВА LIII, и последняя	525
КОММЕНТАРИИ. <i>Е. Лани</i>	531

Диккенс Ч.

Д 45 Приключения Оливера Твиста : роман / Чарльз Диккенс ; пер. с англ. А. Кривцовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-06012-8

«Приключения Оливера Твиста» (1837–1839) — второй роман великого английского писателя Чарльза Диккенса, начатый им в то время, когда он еще даже не успел полностью напечатать принесшие ему славу «Посмертные записки Пиквикского клуба». Увлекательная и трогательная история злоключений маленького сироты Оливера Твиста, несмотря на прошедшие с ее написания почти двести лет, по-прежнему не утратила своей увлекательности и трогательности.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Людмила Ни, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 05.06.2018.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 28,73.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AMC-13987-08-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/